

У Хань Линя была поразительно белая кожа и тонкая, изящная шея, какой обычно гордятся балерины. Аккуратный кадык едва заметно выступал, а мягкие, пушистые волосы казались совершенно невесомыми. Тонкий разрез миндалевидных глаз с приподнятыми уголками и густые темные ресницы создавали ощущение, будто он подвел веки сурьмой; даже когда Хань Линь просто смотрел перед собой, его взгляд казался притягательным, бьющим наотмашь. Он был похож на очаровательного белого котенка, готового вот-вот замахнуться мягкой лапкой и шутливо поцарапать. Линь Цзунцзе до сих пор не представилось случая взъерошить эту забавную макушку, но ведь человеку положено мечтать. Если нельзя потрогать, то почему бы хотя бы не представить?

Облокотившись на перила балкона, он провожал взглядом высокую, худощавую фигуру Хань Линя. Подросток с рюкзаком за плечами неспешно удалялся, пока совсем не скрылся из виду. Цзунцзе невольно вытянул руку вперед и, прищурившись, поймал оптическую иллюзию: накрыл ладонью далекий силуэт, словно действительно гладил его по голове.

Погладил раз.

Погладил два.

Удушающая ярость, терзавшая его весь день, вдруг растаяла без следа, уступив место странному умиротворению.

Вечерняя самоподготовка шла своим ученическим чередом. Линь Цзунцзе, уткнувшись подбородком в парту, битых два часа гипнотизировал пустое место Хань Линя. Время пролетело в абсолютной пустоте — голова была удивительно легкой, без единой мысли. Он даже не вынашивал свои обычные дикие планы вроде того, чтобы при первой же встрече сцапать этого парня и силой поцеловать.

Он словно лишился души, затянутый в невидимый водоворот чужого притяжения.

Оцепенение спало, лишь когда вернулся Сун Чэн. Проведя двойную атаку — аппетитным ароматом принесенной лапши и своим пронзительным голосом, — он вырвал «господина президента» из чертога грез.

— Оказывается, наш президент тоже не прочь отведать роскошную лапшу с мясным соусом за тридцать два юаня, — затараторил Сун Чэн, водружая контейнеры на парту. — Соуса, как ты и просил, не пожалели — положили двойную порцию. И лови ледяную колу. Владелец лапшичной передал, что ты у него сегодня первый клиент, заказавший это кулинарное чудо, так что газировка за счет заведения.

Разгружая пакет, Сун Чэн как бы невзначай напомнил о стоимости своих курьерских услуг.

Линь Цзунцзе лениво приоткрыл один глаз, сунул руку в карман брюк и, вытащив новенькую красную сотню, щелчком отправил ее прямо в руки Сун Чэну.

— Сдачу оставь себе на чай. Забирай и проваливай.

— Офигеть, босс — он и в Африке босс! — воскликнул Сун Чэн.

Вообще-то он надеялся хотя бы вернуть свои кровные — среди одноклассников хватало умников, которые вечно «забывали» отдавать долги. А тут чистая прибыль в шестьдесят юаней! При том, что его дневной бюджет на карманные расходы не превышал пятидесяти. Он бережно расправил стоюаневую купюру, осмотрел ее на свет, словно фальшивомонетчик, и заговорщически прошептал:

— Если приспичит отправить кого-нибудь на побегушках — я к твоим услугам. Туалетная бумага посреди урока кончится, шпаргалку притащить или ручку забыл — твой верный слуга решит любой вопрос в лучшем виде.

— Завтра хочу сашими из лосося. Справишься? — лениво поинтересовался Цзунцзе.

— Босс, без лишней похвальбы скажу: плати монету, и я тебе хоть из пятизвездочного отеля за десять километров доставлю все, что душенька пожелает!

Линь Цзунцзе хмыкнул и снисходительно похлопал парня по плечу:

— Неплохо, весьма неплохо. Задатки идеального прихвостня налицо. Учись прилежно, потом возьму тебя к себе личным помощником.

— Босс, вообще-то мои оценки стабильно держатся в первой сотне всей школы. Я без проблем поступлю в престижный вуз! А ты меня в секретари метишь? Не расточительство ли?

— И кем же ты себя видишь? Хочешь мое кресло занять?

— Ну что ты, упаси боже, — замахал руками Сун Чэн. — Президентствовать — это твоя забота. Но с моими-то мозгами... если уж не генеральным директором, то хотя бы главой департамента меня сделать обязан!

Сняв крышку с пластикового контейнера, Линь Цзунцзе разломил палочки и отправил в рот внушительную порцию лапши. Набитым ртом он невнятно пробормотал:

— Моя семья держит банальное свадебное агентство. Ты реально думаешь, что у меня там транснациональная корпорация?

— Не прибедняйся, босс. Все в курсе, что у твоих предков целая сеть свадебных салонов. В прошлом полугодии, тебя еще здесь не было, наш учитель литературы женился. Так он заказывал торжество именно у вашей конторы. Потом еще долго ныл на уроках, что цены у вас

грабительские, а скидку зажать умудрились.

— И что, реально дорого берут?

— Выездное оформление площадки обошлось ему в двадцать восемь тысяч. Сам как думаешь?

— Понятия не имею, я еще не женился, — буркнул Линь Цзунцзе.

— Ну, для сравнения: моя двоюродная сестра нанимала местную студию-однодневку. Весь декор зала под ключ вышел ей в три тысячи девятьсот девяносто девять юаней.

— Если дорого — пусть идут к дешевым, делов-то, — отмахнулся Цзунцзе. — Кстати, что еще за учитель литературы? У нашего ведь ребенок уже в детский сад ходит.

— Да я про предыдущего. Этот у нас только с этого семестра ведет, а тот, как женился, сразу в декрет ушел. Да и вообще, скупой платит дважды. Ругаться-то они ругаются на ценник, но ведь всем хочется, чтобы все выглядело дорого и солидно. Свадьба — дело такое, раз в жизни бывает. Хочется праздника на широкую ногу.

— Если есть желание, можно и дважды жениться, и трижды, хоть пять, хоть шесть раз. Кто ж мешает?

— Ну тогда ваша лавочка точно озолотится! — загоготал Сун Чэн. — Слушай, босс, если серьезно, планируешь расширять штат? Если да, я готов поступить на факультет свадебного менеджмента. Окончу учебу — и сразу к тебе, батрачить по пожизненному контракту.

— А такой факультет вообще существует?

— А то! Сейчас под каждую нишу специальность найдут. Так что присмотрись ко мне, босс: неприхотлив в быту, проблем не создаю, еду доставляю исправно.

Линь Цзунцзе хмыкнул, сделал несколько глубоких глотков колы, смывая приторный вкус соуса, и шумно выдохнул. Покосившись на пустую парту по соседству, он постучал костяшками пальцев по ее гладкой поверхности.

— А он? Этот заучка кем планирует стать?

— Босс, если ты хочешь затащить нашего учебного старосту к себе, тебе придется уступить ему кресло генерального директора.

— Это еще с какого перепугу?

— Да с такого! Хань Линь — парень гениальный. Красавец, идет на золотую медаль, да и семья у него не из бедных. Он же не дурак, чтобы идти планировать чужие банкеты. Ставлю сотню, что после выпуска он, как и его отец, пойдет в какой-нибудь закрытый исследовательский институт двигать науку или станет профессором в университете.

— Ученым, значит?

— Ну да. Будет разрабатывать какую-нибудь вакцину от ВИЧ.

— Разве от ВИЧ есть вакцина?

— Нет.

— И на кой хрен тогда ее исследовать?

— Так потому и исследует, что ее нет! Если бы она была, зачем огород городить?

Прятели еще немного поболтали о туманном будущем Хань Линя. Когда Линь Цзунцзе закончил с ужином, Сун Чэн, верный образу примерного прихвостня, убрал пустые контейнеры в урну и даже протер парту влажной салфеткой до зеркального блеска.

Болтовня болтовней, но дело прежде всего: Сун Чэн вернулся на свое место и прилежно уткнулся в сборник задач.

Он, в отличие от самоуверенного Хань Линя, решив тест, всегда кропотливо сверялся с ответами в конце книги и выставлял себе честную оценку. Наш же «ходячий правильный ответ» поступал куда проще: едва закончив работу, он сразу доставал красную ручку и размашисто выводил максимальный балл.

«Вот же придурок...»

«А если где-то ошибся?»

«Даже если ты ходячая энциклопедия, в любой книге случаются опечатки. И если не проверять себя, то можно сесть в лужу, продолжая самодовольно улыбаться».

Линь Цзунцзе нехотя потянулся к учебнику. Стоило признать, Хань Линь был чертовски прав: с его нынешним багажом знаний братья за тесты было чистым самоубийством. Единственное, что ему сейчас светило — это зубрежка. Тексты, формулы, иностранные слова и базовые теоремы — вот в чем крылось спасение.

Аккуратным, каллиграфическим почерком он на память записал «Песнь пипы». Закончив, бережно вырвал исписанный лист из тетради, размашисто расписался внизу и аккуратно сложил его вместе с «Песнью вечной обиды» — той самой, которой Хань Линь недавно запустил ему прямо в лицо.

Оба владели классическим стилем письма, но характеры их почерков различались разительно. Иероглифы Линь Цзунцзе дышали силой, каждый штрих выходил резким и волевым. Линии Хань Линя, напротив, ложились на бумагу мягко и плавно — один взгляд на его аккуратные строчки согревал душу, словно легкий весенний ветерок.

Часы показывали десять вечера. Смартфон лежал ровно по центру стола. Скрестив руки на груди, Линь Цзунцзе смотрел на безжизненную черную коробочку.

«Хань Линь, придурок ты несчастный, неужели трудно набрать мой номер и предупредить, что задерживаешься? Ты хоть понимаешь, что я сижу здесь и жду тебя?»

«Если этот телефон сейчас же не зазвонит, я разнесу тут всё к чертям».

Если бы на месте заучки оказался Хэ Линьчуань или кто-то еще из его банды, разъяренный «босс» уже давно оборвал бы им трубки, со смаком припоминая всю их родословную до десятого колена.

Но Хань Линь был совершенно другим случаем. Цзунцзе упрямо не желал звонить первым — в нем все еще горела обида за тот раз, когда этот несносный гордец просто отключил мобильник. Из чистого упрямства он дал себе зарок: парень должен набрать его сам.

И он ждал. Ждал, чувствуя, как внутри закипает удушливая злость. С каждой минутой ярость подступала к горлу все ближе.

В конце концов терпение лопнуло. Цзунцзе со всей дури грохнул кулаком по столу. Партка жалобно затрещала, а ни в чем не повинный смартфон подпрыгнул, проехался по столешнице и полетел на пол. Наклонившись, чтобы поднять несчастный гаджет, парень с досадой обнаружил на новеньком защитном стекле свежую паутину трещин.

Рассвирепев окончательно, он разблокировал экран, нашел в контактах запись, лаконично подписанную как «Ублюдок», и нажал на вызов. В голове уже вертелась отборная тирада, которой он собирался окатить собеседника, но вместо гудков из динамика раздался монотонный, бесстрастный голос автоответчика:

— Номер, который вы вызываете, сейчас занят. Пожалуйста...

— Твою мать, Хань Линь! — рявкнул Цзунцзе.

Еще один удар обрушился на многострадальную парту. Схватив рюкзак, он резко поднялся и наотмашь пнул стул Хань Линя так, что тот с грохотом отлетел к стене.

— Сука! — эхом разнеслось по пустому коридору.

Поднимавшийся по лестнице Хань Линь невольно вздрогнул от этого дикого вопля. «Опять у этого придурка крышу сорвало», — подумал он. И всегда невозмутимый, медлительный отличник невольно ускорил шаг.

Кабинет девятого класса находился на четвертом этаже, сразу при повороте налево. Едва Хань Линь переступил порог, как дорогу ему преградила внушительная темная фигура, полностью закрыв собой свет из коридора. Он даже не успел поднять глаза, как тот мертвой хваткой вцепился ему в предплечье. Его грубо дернули вперед, протащили несколько шагов и с силой прижали спиной к стене.

В этой хаотичной потасовке парты первого ряда заходили ходуном; точнее сказать, именно Хань Линь, отчаянно сопротивляясь, зацепил их ногами, увлекая за собой стулья, которые с грохотом повалились на пол. Линь Цзунцзе навалился сверху, намертво схватив его за плечи. Хань Линь даже не понял, как в процессе этой борьбы умудрился рухнуть на один из уцелевших стульев, оказавшись зажатым между сиденьем и холодной стеной.

Он болезненно ударился лопатками о кирпичную кладку. Из груди против воли вырвался глухой стон:

— Кх...

Хань Линь зажмурился, а когда открыл глаза, лицо Линь Цзунцзе было уже опасно близко. В такой пугающей близости между двумя парнями обычно не оставалось места для слов — дальше могло последовать либо жестокое избиение, либо... нечто совсем иное.

<http://bllate.org/book/18229/1753786>